

Глава 27. Сплетни

Служка в чайной первым делом заметил Сян Сина, возвышавшегося над толпой. Хотя Фу Линцзюнь и сделал его пониже, подобное заклинание было не простой иллюзией, а настоящим изменением тела, а значит, и у него были пределы. Превратить громилу ростом за два метра в обычного человека всё равно было невозможно. Он лишь стал на один размер меньше и теперь выглядел почти двухметровым, но всё же ещё более-менее обычным великаном.

Правда, когда такой великан к тому же был битком набит мышцами под одеждой, он всё равно походил либо на телохранителя какого-нибудь хулигана, либо на наёмного громилу из свиты молодого господина богатого рода.

Если же перевести взгляд на Фу Линцзюня, стоявшего перед ним, картина становилась ещё интереснее. Лицо у него было самое заурядное, из-за пазухи весьма комично торчала белая собачка, зато на кисточке у пояса висела жемчужина Нахай, слишком уж броская и явно недешёвая. Глубокого сине-морского цвета, без единой примеси, такая вещь стоила никак не меньше нескольких десятков тысяч духовных камней.

А ещё у пояса у него висел серебряный духовный меч высшего качества. Пусть сам он был одет в обычную чёрную одежду, но всем своим видом излучал: «Я здесь важнее всех». Сразу становилось ясно: либо этот молодой человек — родня какого-то большого мастера, либо один из выдающихся учеников великой секты. Самый настоящий ходячий кошелёк.

— Прошу наверх, даосские друзья. Вы пришли послушать рассказ господина Сюя? У нас есть лучшие духовные плоды и духовный чай. Что прикажете подать? — с жаром подскочил служка, уже собираясь проводить Фу Линцзюня в отдельную комнату на втором этаже.

Цзян Тан прекрасно чувствовал, как неуютно Фу Линцзюню в таком месте: слишком много людей, слишком шумно, воздух тяжёлый и грязный. Но великий злодей всё же сдержался, взглянул на захлёбывающегося энтузиазмом рассказчика внизу и не стал отрицать, зачем пришёл. Он лишь слегка кивнул служке, давая знак вести.

Тот поспешно проводил двоих мужчин и одну собаку на второй этаж.

Сначала он хотел проводить дорогих гостей в отдельную комнату, но Фу Линцзюнь его остановил и указал на единственный пустой стол в самом людном месте зала:

— Сядем там.

Вокруг этого стола плотно сидели люди: кто постарше, кто помоложе. Одежды на всех были самые разные. У кого-то с первого взгляда читалось богатство, у кого-то — бедность. Но независимо от достатка, на столах у всех стояли чашки с чаем и фрукты, сладости и семечки, а когда рассказ становился особенно интересным, слушатели даже вместе с людьми внизу не удерживались и выкрикивали что-нибудь вслух. Атмосфера была на редкость оживлённой.

Цзян Тану это напомнило, как в детстве он с друзьями смотрел мультики, набивая рот сладостями и галдя без умолку.

— Даосский друг, там слишком людно и шумно. Боюсь, вас это утомит, — с улыбкой заметил служка.

— Ничего, — ответил Фу Линцзюнь.

Служка про себя удивился: неужели он ошибся? Если этот господин действительно богат, зачем ему лезть в самую толпу? Или он только делает вид, будто при деньгах, а на самом деле в жемчужине Нахай пусто?

Но раз уж гостей уже привели наверх, оставалось только с прежним пылом проводить их к столу и ещё раз уточнить:

— Не желаете ли что-нибудь заказать? У нас в чайной есть всё. Стоит вам только позвать.

Бледные пальцы, скрытые в рукаве чёрного одеяния, сложили печать. Лёгкий порыв ветра с влажной прохладой быстро обежал стол и стулья, унося остатки пыли и грязи.

Фу Линцзюнь заставил себя сесть, а затем небрежно снял с пояса духовный меч высшего ранга и положил его на стол.

Меч был серебристо-белым и в полумраке чайной едва заметно отсвечивал красным. В древнюю рукоять была вделана огромная сущность огненного дракона. Даже просто лёжа на столе, меч испускал чистую силу огненного ян. И, словно этого было мало, Фу Линцзюнь положил его так неловко, что ножны чуть разошлись, открывая полоску клинка, холодного как иней. На металле виднелись выгравированные руны заклęcia Алого Пламени Трёх Тысяч, которыми могли пользоваться лишь даосские святые огненного пути.

Наносить руны прямо на духовный меч было чрезвычайно трудно. Для этого нужен был не только выдающийся мастер символов, но и сам клинок должен был быть достаточно прочным, чтобы выдержать повторное начертание. Низкоуровневые руны ещё не слишком влияли на сам меч, но заклипания уровня бессмертного и выше уже почти невозможно было наносить на клинок. А уж Алое Пламя Трёх Тысяч для обычных культиваторов и вовсе было чем-то из разряда легенд.

Стоило этому мечу появиться на столе, как все вокруг, кто исподтишка, а кто и совсем открыто, начали посматривать в их сторону.

Двое молодых культиваторов с самыми обыкновенными лицами и белая собачка размером с ладонь.

И сколько бы люди ни разглядывали лица Фу Линцзюня и Сян Сина, скрытые столь заурядной внешностью, понять, кто они такие, было невозможно.

Но один только этот меч стоил не меньше ста тысяч духовных камней.

Так чей же это молодой господин так вызывающе разгуливает по свету? Наверняка и это неприметное лицо изменено каким-нибудь артефактом. Неловкая попытка скрыть личность, вся в дырах.

Служка чайной, может, и не был столь насмотренным, как путешествующие культиваторы вокруг, но глаз у него тоже был намётан. Едва заметив, что меч явно не прост, он стал ещё учтивее даже с Цзян Таном и специально приготовил место и для него. Правда, Фу Линцзюнь счёл, что если посадить щенка на стул, его вообще не будет видно, и потому снова просто поднял его и поставил прямо на стол.

Цзян «талисман удачи» Тан смерил Фу Линцзюня взглядом и встряхнул шерсть. Этот человек вечно хватает его и переставляет туда-сюда. Так и всю шерсть растреплет.

Насладившись безупречным обслуживанием, Фу Линцзюнь небрежно достал из жемчужины Нахай духовный камень среднего ранга, положил его на стол, чуть приподнял подбородок и, не отрывая глаз от господина Сюя внизу, сказал:

— Благодарю. По порции духовного чая и духовных плодов.

В чайной даже лучшие духовные плоды и чай стоили всего лишь один духовный камень низшего ранга.

А один средний духовный камень равнялся сотне низших. Для начинающих даосов без особого таланта к культивации это были огромные деньги. За сотню низших можно было купить несколько флаконов пилюль.

Служку так оглушила свалившаяся на него удача, что он сразу сунул камень в карман. Улыбка у него разъехалась чуть ли не до ушей, а голос стал звонким и бодрым:

— Сейчас всё будет!

И он, как вихрь, сбежал вниз сквозь толпу.

Фу Линцзюнь заплатил настолько щедро и даже не пытался этого скрыть, что все сидевшие поблизости культиваторы теперь то и дело невольно поглядывали в их сторону.

Теперь они были уверены окончательно: этот неприметный юноша в чёрном — наверняка

какой-нибудь юный господин, который не знает бед мирской жизни и вышел развлечься.

Цзян Тан тоже постепенно всё понял. Пусть он и не был культиватором и не мог определить, насколько дорогим был лежащий на столе меч, по реакции людей и по ценности духовных камней он всё прекрасно считывал.

Нет, ну что за великий злодей такой? Опять разбрасывается деньгами! Можно же было оставить небольшие чаевые, и этого бы хватило. Зачем платить так много?

К тому же в дороге самое главное — не выставлять богатство напоказ. А этот человек, опираясь на собственную силу, только и делает, что нарочно привлекает к себе внимание. Он это специально, да?

Цзян «бережливый хозяин дома, ненавидящий расточительство, верящий, что выживает тот, кто держится в тени» Тан в раздражении вцепился зубами в рукав Фу Линцзюня и усердно замотал головой, потянув ткань.

Но великий господин решил, что белый зверёк просто с ним играет, и с довольным видом протянул руку, почесал пушистый подбородок, а потом и вовсе принялся всю его гладить.

Вскоре тот самый служка, получивший баснословные чаевые, вернулся с духовным чаем и плодами. Он с жаром налил чай обоим почётным гостям, а потом ещё и заботливо поставил чашечку перед белой собачкой на столе. Сервис и правда можно было считать безупречным.

— Приятного аппетита. Если что-то понадобится, только позовите!

Фу Линцзюнь слегка тронул уголок губ и даже улыбнулся служке.

Цзян Тан: «Нет, тут что-то совсем не так. Уже одно то, что Фу Линцзюнь вообще вошёл в такую людную и шумную чайную с тяжёлым воздухом, было удивительно. Но ещё удивительнее было то, что, с порога наслушавшись кучу нелестного о самом себе, он не только не разозлился, но теперь ещё и улыбается. Пусть улыбка у него и выглядит натянутой до невозможности, это всё равно улыбка».

После ухода служки окружающие заметно оживились.

Один из культиваторов, сидевший ближе всех к их столу, наконец набрался храбрости, улыбнулся Фу Линцзюню и заговорил:

— Даосский друг, вы мне раньше на глаза не попадались. Наверное, нечасто бываете в области Цянькунь?

Цзян Тан был уверен, что Фу Линцзюнь проигнорирует этого навязчивого человека. Но странный сегодня великий злодей ответил так естественно, словно всегда был душой компании:

— Верно. Я редко выхожу наружу. На этот раз решил пройтись и посмотреть мир.

Он и сам будто оттаял, как глыба льда весной. Даже лицо стало живее.

— Вот и правильно пришли! — обрадовался культиватор. Получив ответ, он тут же без всякого стеснения пересел за их стол и, ухмыляясь, продолжил: — Господин Сюй в области Цянькунь рассказывает лучше всех. У него самые быстрые новости. Я часто здесь слушаю.

— Правда? — как бы между прочим спросил Фу Шэн. — Когда я входил, то как раз услышал, что господин Сюй говорит о префектуре Цзэян на Северном Водном континенте. Но было слишком шумно, я не всё разобрал.

— Да можно и меня спросить! — самодовольно выпятил грудь новый знакомый. — Вы ведь знаете Фу Шэна, великого демона, которого запечатали в Гуанлине? Раньше и так время от времени ходили слухи, что он может ненадолго выходить из печати и убивать, но кто бы подумал, что на этот раз он вырвался окончательно. За одну ночь стёр Цзэян с лица земли и едва не истребил весь клан!

— Хорошо ещё, что в те дни молодой господин Сун не был в Цзэяне. И ещё сбежал глава Зала Сохранённых Духовных Печатей Сун Янь. Плюс несколько учеников рода Сун, которые находились снаружи... В общем, беда страшная.

Белая собачка на столе неловко подтащила к себе духовный плод и начала тихонько его грызть.

Что тут скажешь. Слушать, как при Фу Линцзюне рассказывают о Фу Линцзюне, было опытом поистине редким. Цзян Тан всё время ждал, что великий господин вдруг сорвётся и начнёт убивать, но сегодня тот словно полностью переменялся и со всеми держался предельно вежливо.

Разве что гладил его чересчур часто.

Без остановки.

Неужели гладить его действительно помогает сохранять душевное спокойствие?

Сам Цзян Тан, конечно, не мог знать, что это и правда успокаивает Фу Линцзюня. Он лишь чувствовал, что его вот-вот заглядят до лысины, и отчаянно пытался вывернуться из-под этой большой руки.

— Да, — подхватил слова собеседника Фу Линцзюнь и даже кивнул. — Раз смогли спастись, уже великое счастье. Только вот интересно, где теперь можно скрыться.

Цзян Тан мысленно отозвался: в любом месте, где тебя нет.

Культиватор огляделся по сторонам, таинственно подался вперёд и зашептал:

— Вообще-то я видел Сун Яня. Тут неподалёку от области Цянькунь. Наверное, решил укрыться под покровительством даосского святого. Всё-таки область Цянькунь под его защитой. Хотя, конечно, и жаль его. Раньше он всё-таки был главой зала в великом бессмертном клане, а теперь дошёл до такого.

Фу Линцзюнь улыбнулся. Одна его рука перестала гладить Цзян Тана, и бледные пальцы медленно провели по гладкой поверхности фарфоровой чашки.

— Тогда он и правда поступил умно. Область Цянькунь — владения даосского святого. Как бы ни был смел Фу Шэн, под самым его носом он появиться не осмелится.

Цзян Тану эта улыбка казалась донельзя недоброй. До мурашек жуткой. Особенно когда Фу Линцзюнь с невозмутимым лицом сам же подключался к обсуждению собственной дурной славы.

— А то как же? — культиватор, чувствуя, что сблизился с щедрым даосским другом ещё сильнее, уже вовсю принялся болтать о чём попало. — Кстати, раз уж речь о Фу Шэне, я ещё и другое слышал. Говорят, в те годы маленькая демоница Тан Хайлань из секты Юэшан из-за него с ума сходила и непременно хотела за него замуж. А спустя несколько лет после того, как с Фу Шэном случилась беда, люди вдруг увидели, что рядом с Тан Хайлань появился ребёнок, причём вроде бы даже похожий на Фу Шэна. И кто его знает, может, между ними и правда была какая-то романтическая история. Жаль только... тогда ещё даже мой дед был молод, так что своими глазами я ничего не видел.

У белого щенка на столе мгновенно встали торчком уши.

Что? Что такое?

У Фу Линцзюня и правда были когда-то какие-то романтические дела с женщиной-культиватором?

Это серьёзно?

Говори ещё!

Но в следующую секунду большая ладонь безжалостно накрыла весь пушистый комочек целиком.

И дальше Цзян Тан уже ничего не слышал.

Этот подлец Фу Линцзюнь попросту отрезал все звуки вокруг, так что даже подслушать сплетни не получилось. Цзян Тан от злости начал кусать его руку, щедро облизав всю ладонь.

Когда они наконец договорили, прошло уже немало времени.

Фу Линцзюнь убрал руку, закрывавшую пушистого комочка, совершенно не обращая внимания на мокрую от слюней ладонь, и всё так же любезно обратился к слишком уж быстро ставшему своим культиватору:

— Брат Лу, сегодня мне, Линю, выпала честь познакомиться с вами, и беседа была чрезвычайно приятной. Вот мой знак духовной связи. Если в будущем услышите что-нибудь интересное, непременно поделитесь со мной.

Ничего себе. Они уже успели пройти этап знакомства по именам и теперь дошли до обмена контактами? И этот знак духовной связи, который выдал великий злодей, небось тоже фальшивый. «Мне, Линю»? Да он ведь наверняка и имя выдумал на месте.

Однако этот самопровозглашённый брат Лу, который, как оказалось, звался Лу Син, принял знак связи с горящими глазами и бережно убрал его.

В этом мире у культиваторов существовало весьма изящное заклинание для передачи вестей — духовная связь. Каждый создавал собственный знак-руну и, оставив на нём отпечаток, передавал другому. Если позже нужно было что-то сообщить, достаточно было написать послание духовной силой на бумаге, в воздухе или даже на поверхности воды. Да хоть где. Потом на него наносили руну получателя, и весть сама находила адресата.

Обычно она принимала вид духовной птицы, а чужие, если знак был личным, не могли её увидеть.

Очень удобно и довольно тайно.

Почти как телефон, только чуть хуже.

Впрочем, у этого способа был один недостаток. Если духовную весть не открыть в течение определённого времени, поддерживающая её духовная сила рассеивалась, и сообщение исчезало. Но срок был довольно щедрым: в течение трёх дней всё ещё можно было успеть. Разве что если кто-то уходил в затворничество на десятки или сотни лет, он заранее

перекрывал свой «сигнал», и тогда послание вообще не доходило. Это уже само по себе означало, что человек в уединении.

Цзян Тан: «Хочу выучить это заклинание. Пусть мне и писать почти некому, но это же так интересно».

Просидев в чайной целый день, они наконец выбрались из грязноватого воздуха обратно на улицы области Цянькунь.

Сян Син всё это время мучился в тесном кресле чайной, так что, едва оказавшись на просторной оживлённой улице, сразу с наслаждением потянулся. С хрустом костей его тело, которое Фу Линцзюнь ранее немного уменьшил, снова увеличилось ещё на размер, а мышцы натянули одежду ещё сильнее.

Цзян Тан: «Ты бы хоть смотрел по сторонам! Это же улица! Здесь столько глаз!»

Но, как выяснилось, зря он переживал.

В мире культивации все давно привыкли ко всякого рода приёмам изменения внешности и формы тела. Кто-то скрывался от тех, кто жил убийствами и грабежом, кто-то сам старался незаметно выслеживать добычу. И те и другие постоянно что-то меняли в облике. Поэтому никого на улице их троица особенно не заинтересовала. Люди просто спокойно проходили мимо.

Фу Линцзюнь нёс Цзян Тана впереди, а Сян Син медленно и с запозданием плёлся сзади. Если ему попадалось что-то занятное, он останавливался у чужой лавки и начинал пристально смотреть, не мигая. А когда наконец приходил в себя, Фу Линцзюнь с Цзян Таном уже уходили довольно далеко, и ему приходилось торопливо их догонять.

Цзян Тану ужасно хотелось узнать, что же так привлекает Сян Сина. Но Фу Линцзюнь шёл слишком быстро, а останавливаться не любил, так что оставалось лишь догадываться. Наверное, это были игрушки. Громила неожиданно любил всякие маленькие вещички. Ещё в долине Тяньбэй он любил строить ему лежанку, сажать цветы и даже плёл из пушистых колосьев грубых зверушек, чтобы его развлекать.

Цзян Тан невольно подумал, что Сян Син и правда очень любит всякую мелочь. Интересно, были ли у него когда-то младшие братья или сёстры, раз он так любит растить детёнышей? Единственная причина, по которой Цзян Тан не предполагал у него жены, состояла в том, что он слишком уж здоровенный и временами совершенно не рассчитывает силу. Не очень-то похож на человека, способного найти себе жену.

Они обошли область Цянькунь, а к вечеру покинули её.

Область Цянькунь располагалась в пределах Чишуй на Центральном континенте. Большинство смертных даже не подозревали, что в Чишуйе скрыта духовная область. Поэтому одна часть этой территории была обычным смертным городком, а другая скрывалась за иллюзией, закрывавшей саму область Цянькунь.

Если смертный случайно забредал туда, беды не случалось. Он просто блуждал и в итоге выбирался к внешним окраинам Уя. Конечно, некоторые культиваторы и сами специально срезали путь через Чишуй, чтобы обойти Десять Тысяч Гор. Это было куда спокойнее, чем лететь прямо над ними.

Цзян Тан вместе с Фу Линцзюнем вышел из удивительного мира культивации обратно в смертный город, полный дыма, еды и живого людского тепла.

Близился вечер, и в каждом доме уже зажигали огни. По улицам всё ещё ходили торговцы с лотками, выкрикивая, что у них можно купить. Если какая-нибудь семья не готовила ужин или просто хотела добавить ещё одно блюдо к столу, кто-нибудь тут же выбегал наружу и окликал продавца.

Фу Линцзюнь зашёл в две гостиницы Чишуя. По сути, во всём городе их было всего две. В первой он лишь небрежно расспросил хозяина о нескольких вещах, заплатил немного серебра и ушёл. А во второй всё-таки остановился.

Сян Син не жил с ними в одной комнате.

Вместе с Фу Линцзюнем остался только Цзян Тан.

Одинокий мужчина и одинокая собака в одной комнате — к такому тоже надо было привыкнуть. Всё-таки раньше Цзян Тан чаще спал рядом с Сян Сином, а великий злодей в основном одиноко лежал на мече Шифо и отгораживался от всего мира. Поэтому, увидев в комнате всего одну кровать, Цзян Тан всё же немного напрягся.

Но это напряжение быстро прошло.

Великий господин, конечно же, приехал сюда не отдыхать.

Он прекрасно понимал, что область Цянькунь — самая оживлённая духовная область Центрального континента, а значит, и новости там расходятся быстрее всего. Потому этот древний старый монстр, отрезанный от мира на несколько тысяч лет, отправился в чайную, послушался самых разных сплетен последних лет и заодно выведал, где сейчас находятся Сун Янь и Сун Цзиньяо.

Сун Янь, одна из тех немногих рыбок, ускользнувших в день кровавой резни в Цзэяне, остановился как раз в этой гостинице.

Когда ночью Фу Линцзюнь сунул Цзян Тана за пазуху и отправился делать своё дело, Цзян Тан очень хотел сказать, что прекрасно обойдётся и без того, чтобы наблюдать всё вживую. Пусть бы великий злодей шёл сам. Но язык у них не совпадал, а сам Фу Линцзюнь привык делать только так, как хочет.

Ночь была тёмной, а луна лила холодный свет.

Фу Линцзюнь совершенно открыто взломал замок на двери комнаты Сун Яня, бесшумно вошёл внутрь и отрезал все звуки снаружи.

А тот самый беглец, чудом выживший в резне у Тяньвэньхая, в это время спал на кровати мёртвым сном.

Сун Янь всегда отличался чуткостью. Едва почувствовав опасность, он обычно замечал её первым и успевал сбежать. Сейчас произошло то же самое. Во сне он вдруг ощутил, как воздух в комнате стал тяжёлым и холодным, и заставил себя проснуться. Открыв глаза, он увидел незнакомого молодого человека с белой собачкой на руках, непонятно откуда взявшегося у него в комнате.

— Кто ты такой?! — Сун Янь мгновенно призвал духовный меч и направил его на Фу Линцзюня.
— Зачем ты проник в мою комнату?

Лунный свет лился из окна и делал неприметное лицо юноши ещё мягче.

— Сун Янь, я всего лишь пришёл задать тебе несколько вопросов, — голос Фу Линцзюня звучал мягко, слова были вежливы. Он сидел на стуле напротив кровати, поглаживал белую собачку на руках и выглядел так, будто пришёл просто мирно поболтать.

Цзян «та самая белая собачка, которую гладят» Тан: чем мягче великий злодей, тем страшнее. Опыт уже был.

Сун Янь от этого непонятного визитёра чуть с ума не сошёл. Пусть талантами он и не блистал, но всё-таки был культиватором и в смертном городке чувствовал себя вполне уверенно. К тому же Чишуй находился рядом с областью Цянькунь. Здесь, под самым боком даосского святого, культиваторы обычно не смели устраивать беспорядки. И всё же сейчас, столкнувшись с этим, он по-настоящему испугался, так что голос у него невольно задрожал:

— К-какие ещё вопросы?

— Когда в семье Сун префектуры Цзэян пропали благой зверь и кость судьбы? — произнёс Фу Линцзюнь чётко, но без нажима, всё так же вежливо.

О благом звере и кости судьбы знала лишь часть высших людей Цзэяна. Даже после кровавой

резни Сун Янь, скрываясь возле области Цянькунь, успел встретиться со многими знакомыми культиваторами, но ни словом не обмолвился о благом звере. Всё-таки благие звери исчезли почти десять тысяч лет назад. Если бы другие узнали, что род Сун когда-то поймал одного, начались бы бесконечные расспросы.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь! — без особой уверенности, но всё же упрямо ответил он.

Фу Линцзюнь перестал гладить Цзян Тана, поднялся со стула и сверху вниз посмотрел на Сун Яня.

— Жаль. Если бы ты рассказал мне всё, что я хочу знать, я ещё мог бы подумать и оставить тебя в живых.

Под маской проступило настоящее лицо: черты тонкие, почти как на картине, кожа белая как снег.

Увидев это демонически прекрасное лицо, Сун Янь тут же ослаб в ногах и рухнул на колени:

— Я... я скажу! Всё скажу, что пожелаете! Благой... благой зверь и кость судьбы... пропали вскоре после того, как наш молодой господин отравился ядом зверя Гу. Тогда он был при смерти, и глава рода по счастливой случайности как раз добыл благого зверя, потому решил использовать его кровь, чтобы снять яд. Но кровь зверя смыла яд и одновременно разрушила духовные корни молодого господина... Тогда глава рода приказал извлечь кость судьбы и ждал, пока лекарь Линь из секты Хуаньюнь проведёт полное перерождение тела.

— За день до прибытия лекаря Линя глава рода перенёс кость судьбы в другое место, желая хранить её при себе. Но в тот же день после полудня благой зверь внезапно исчез, и во всём Тяньвэньхае начался хаос... А потом... потом зверь сбежал в Гуанлин, ученики пошли по следу и... и встретили вас...

Разумеется, сказать нечто вроде: «Разве благой зверь и кость судьбы уже не у вас?» — он не смел. Пот катился с него градом, но он не решался даже поднять руку, чтобы его вытереть, и только опускал голову всё ниже, пока капли срывались на пол.

И тогда он услышал холодный, как снежный ветер, голос Фу Линцзюня:

— Молодой господин Сун так и не воспользовался костью судьбы?

Сун Янь замотал головой так яростно, словно это был барабан:

— Нет, нет! В тот день, когда кость судьбы пропала, лекарь Линь ещё не прибыл. В роду Сун не было выдающегося лекаря, никто бы не посмел рисковать и портить кость судьбы!

— Значит, она и правда пропала, — тихо хмыкнул Фу Линцзюнь. Похоже, раньше он словам Сун Юнчжэна не верил.

Этот Сун Янь был до смешного труслив и жаден до жизни. Судя по всему, кость судьбы действительно не досталась Сун Цзиньяо. Жаль. Значит, придётся искать что-то ещё, что смогло бы заменить кость судьбы.

— В тот день, когда в Тяньвэньхае начался хаос, туда кто-нибудь ещё приходил? — спросил он.

Сун Янь сейчас думал только о том, как бы выжить. Дел того дня было слишком много, всё было слишком спутано, так что он не был уверен и только осторожно ответил:

— Н-нет... кажется, нет... В тот день...

Он просто слишком нервничал и уже не мог толком ничего вспомнить.

— Хорошо, — Фу Линцзюнь снова сел, держа на руках пушистый комочек. — Тогда я хочу знать, какую сделку когда-то заключили этот старый пёс Сун Юнчжэн и Цзян Чаньюань.

Примечание автора:

Фу Шэн: у меня ничего не было, это не я, не слушайте, что несут про каких-то других женщин.

Чем дальше, тем нелепее слухи.

<http://bllate.org/book/17032/1603444>